

Елена Куранда, Сергей Гаркави (Санкт-Петербург)
Стихотворения Игоря Северянина 1939—1941 годов:
к вопросу текстологии и истории публикации

Несмотря на обширную библиографию произведений Игоря Северянина и работ о нем, текстологическое изучение его произведений носит случайный, иногда произвольный характер. Результат этого хаотического состояния текстологической основы его текстов зафиксирован в рецензии С. Г. Исакова, проанализировавшего эдиционное качество единственного на сегодняшний день академического издания произведений Игоря Северянина¹.

В центре нашего внимания оказались тексты Игоря Северянина, относящиеся к 1940-м годам — их творческая и эдиционная история. Как известно, это период его попыток интеграции в советский канон.

Начало им было положено 28 июля 1940 г., когда было написано стих. «Привет Союзу!». Вторым сентября 1940 г. датировано письмо Игоря Северянина к Г. А. Шенгели, по которому можно судить, во-первых, о том, что о нем вспомнили в столице СССР, а во-вторых, о желании поэта получить «живую работу»² в Москве: «И я очень рад, что мы теперь с Вами граждане одной страны. Я знал давно, что так будет, я верил в это твердо. И я рад, что это произошло при моей жизни: я мог бы и не дожидаться...»³

Таким образом, в случае с Игорем Северяниным с советским контекстом приходится соотносить творчество писателя, который формально в рассматриваемый нами период эмигрантом уже

© Elena Kuranda, Sergei Garkavi, 2010

© TSQ 34. Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Исаков С. Г. Первое научное издание сочинений Игоря Северянина // Новое литературное обозрение. 2005. № 71:

<http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/isa32.html>

² Цит. по: Северянин И. Стихотворения и поэмы: 1918—1941. М., 1990. С. 405.

³ Цит. по: Северянин И. Указ. соч. С. 405.

не считался, но и право называться «советским» еще не доказал. Фиксации и соотнесению с советским контекстом в данном случае подлежит не просто некий определенный корпус текстов, написанных Игорем Северяниным на территории ЭССР и напечатанных в СССР, но творческий, жизнетворческий и личностный феномен, находящийся в более сложных отношениях с контекстом, обусловленным объективными обстоятельствами. Эта непростая биографическая и творческая ситуация, связанная к тому же с «политическим моментом», отразилась в письме к Г. А. Шенгели от 2 сентября 1940 г.: «Капиталистический строй чуть совсем не убил во мне поэта: последние годы я почти ничего не создал, ибо стихов никто не читал. На поэтов здесь (и вообще в Европе) смотрели как на шутов и бездельников, обрекая их на унижения и голод. Давным-давно нужно было вернуться домой, тем более что я никогда врагом народа не был, да и не мог быть, так как я сам бедный поэт, пролетарий, и в моих стихах Вы найдете много строк протеста, возмущенья и ненависти к законам и обычаям старой и выжившей из ума Европы»⁴.

Известно о четырех публикациях стихов Игоря Северянина в советской печати. Две из них состоялись летом и в начале осени 1940 г., в нарвской газ. «Советская деревня». Обращает на себя внимание очень быстрая реакция поэта и на текущие события, и декларация своей позиции в новом, только что возникшем органе печати⁵.

13 авг. 1940 г. в «Советской деревне» опубликовано стихотворение «В наш праздник» («Взвивается красное знамя...»). Публикации предшествовало, а возможно, происходило одновременно с помещением стихотворения в газету необычное событие в жизни Игоря Северянина, а именно: 11 авг. 1940 г., в воскресенье, Северянин принимал у себя в Усть-Нарве корреспондентов «Правды» П. А. Лидова и В. Л. Темина, о чем позднее написал в письме к Г. Шенгели (от 9 окт. 1940 г.): «Все три стихотворения» <«В наш праздник», «Наболевшее...», «Привет Союзу». — Е. К., С. Г.> были помещены в нарвской газете «Советская деревня» и, кроме того, взяты у меня спецкором «Правды» П. А. Лидовым и В. Л. Теминым, когда 11 авг<уста> они посетили меня в Усть-Нарове и долго

⁴ Цит. по: *Северянин И.* Указ. соч. С. 405.

⁵ Возникла 26 июля 1940 г. на базе газ. «Нарвский листок».

беседовали со мною, сделав более десяти снимков с меня дома и на реке»⁶.

Во вторник, 13 августа, два дня спустя после беседы с корреспондентами «Правды»⁷, стихотворение «В наш праздник» появляется на страницах газеты.

Вторая публикация в той же газете, состоявшаяся 6 сентября 1940 г., включала в себя два стихотворения Игоря Северянина: «Наболевшее...» («Нет, я не беженец, и я не эмигрант...»), написанное за год до того (26 окт. 1939 г.) и «Привет Союзу!» («Шестнадцатиреспубличный Союз...»), написанное 28 июля 1940 г.

В центральной прессе стихи Игоря Северянина появляются только в марте следующего года — в мартовском номере журн. «Красная новь». Это всё тот же «Привет Союзу!», правда, с купюрами четырех строк и «Стихи о реках» («Россонь — река совсем особая...»)⁸, написанные тогда же, 8 сентября 1940 г.

В мае 1941 г. имя Игоря Северянина появляется на страницах журн. «Огонёк». Его стихотворение помещено в рамке, в центре страницы, на которой напечатаны три рассказа Вересаева. В той же рамке, под стихотворением Северянина «О том, чье имя вечно ново», помещено стих. М. Исаковского «Песня» («На горе белым-бела/ Утром вишня расцвела...»)⁹.

Здесь, на наш взгляд, любопытен и выбор стихотворения Северянина, и его соседство с Исаковским. Дело в том, что 12 сентября 1940 г. в письме к Г. А. Шенгели Игорь Северянин посылает своему корреспонденту-благодетелю два стихотворения «Стихи о реках» и «Сияет даль...», написанные 8 сентября, сопроводив их словами: «<...> м<ожет> б<ыть>, отдадите их куда-либо, напр<имер>, в «Огонек» или др<угой> журн<ал>, — этот гонорар меня весьма поддержал бы»¹⁰.

⁶ Цит. по: *Северянин И.* Указ. соч. С. 408.

⁷ Напомним, что корреспонденты «Правды» были не первыми советскими гостями Игоря Северянина. За полтора месяца перед тем домик поэта обнаружил Павел Лукницкий. Существовал его устный рассказ о том, как произошла встреча Игоря Северянина с группой бойцов и командиров Красной Армии, вошедших в Эстонию в 1940 г. (Лукницкий находился в этой группе среди командиров в качестве корреспондента).

⁸ Красная новь. 1941. № 3 (март). С. 88.

⁹ Огонек. 1941. 5 мая. № 13. С. 6.

¹⁰ Цит. по: *Северянин И.* Указ. соч. С. 406.

Как видим, «Огонек» (а скорее всего, Г. Шенгели, пристраивавший стихи Игоря Северянина в центральной советской печати) предпочел в качестве дебюта Северянина в роли советского поэта другое стихотворение, написанное в 1933 г., в его эмигрантский период. В качестве объяснения можно привести следующие соображения. «О том, чье имя вечно ново» — произведение на беспроницаемую, с точки зрения создания советской репутации поэту, «пушкинскую» тематику, в чем (в создании новой репутации — советского, или, по крайней мере, лояльного советской стране поэта) Игорь Северянин, безусловно, нуждался. Пушкинская же тематика и «пушкиноведение» как отрасль государственной пропаганды приобрело в сер. 1930-х знаковый смысл, обращение к этой теме в общем хоре других участников государственно одобряемых мероприятий практически стало мандатом политической лояльности¹¹.

Стихотворение Северянина, помещенное в «Огоньке», рассматриваемое в качестве заявления поэта о себе в пространстве советского текста, удачно совмещало три актуальных темы: во-первых, уже упомянутую «пушкинскую», кроме того, упоминанием «расцвета мая» оно календарно соответствовало майскому номеру журнала, наконец, оно, косвенно, через, так сказать, пушкинский субстрат, становилось причастным к, на тот момент еще достаточно свежей, с геополитической точки зрения, «молдавской проблеме» — присоединения Бессарабии к СССР.

Абсурдно-нелепым в огоньковской публикации кажется тандем Игоря Северянина с М. Исаковским, однако отдадим должное остроумной вёрстке, объединившей в одной рамке стихотворения, в которых наличествовали «вишневые» мотивы, фонетически подержанные у Игоря Северянина рифмой: «вишнево — Кишинева». Возможно, что не Исаковский своим присутствием с Игорем Северяниным оттенял его советскую контекстную и политическую вменяемость, а наоборот — стихотворение Исаковского, абсолютно пустое по содержанию, в высшей степени безликое и проходное, на фоне семантических полей стихотворения «О том, что веч-

¹¹ Вспомним, как, за неимением иных свидетельств своей «советскости» на тот момент, Ахматова апеллировала к своей причастности к пушкинистике в просительных письмах на имя Сталина, — см. ее письмо от 1 нояб. 1935 г., напр., в кн.: *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х гг. СПб., 2005. С. 374—375.

но ново»: «вишнево — Кишинева», «Бессарабия» как локус «солнца» и «Пушкина», — приобретало некую аллегорическую живописность. Жалкому стихотвореньицу Исаковского был сообщен даже своего рода символический смысл, который читатель ни за что не обнаружил бы, если бы «Песня» Исаковского была напечатана сама по себе, а не в таком выгодном текстовом ансамбле — с северянинской инструментовкой и образностью.

Таким образом, стратегии презентации (исходившие, как небезосновательно можно предположить, от благодарного ученика Шенгели) и самопрезентации «нового», советского (или, выражаясь в духе самого поэта, «осовеченного») Игоря Северянина вполне можно назвать правильными, и, возможно, они дали бы успешный результат, если бы Игорю Северянину и Шенгели было бы отпущено чуть больше времени. Ведь, помимо продвижения стихов Игоря Северянина в центральной печати, Шенгели планировал прибегнуть к еще одной установившейся в 1930-е годы писательской практике — личного обращения к Сталину. Обсуждению этого сценария посвящено письмо Шенгели Игорю Северянину от 28 сентября 1940 г., частично цитировавшееся исследователями¹², полный текст которого хранится в РГАЛИ: «Стихи, присланные Вами мне, поразительно трогательны и прекрасны, но — я думаю, что не стоит Вам начинать печататься с них. Вот в чем дело.

У Вас европейское имя. Однако за долгие годы оторванности от родной страны Вас привыкли считать у нас эмигрантом (хотя я прекрасно знаю, что Вы только экспатриант), и отношение лично к Вам (не к Вашим стихам) у нашей литпублики настороженное. Это понятно. И поэтому, мне кажется, Вам надлежит выступить с большим программным стихотворением, которое прозвучало бы как политическая декларация. Это не должна быть «агитка», — это должно быть поэтическим самооглядом и взглядом вперед человека, прошедшего большую творческую дорогу и воссоединившегося с родиной, и родиной преображенной.

И послать это стихотворение (вместе с поэтической и политической автобиографией, с формулировкой политического кредо) надо не в “Огонек” и т. п., а просто на имя Иосифа Виссарионовича

¹² См.: Коркина Е. Георгий Шенгели об Игоре Северянине // Таллин. 1987. № 3. С. 91.

ча Сталина. Адресовать просто: “Москва, Кремль, Сталину”. Иосиф Виссарионович поистине великий человек, с широчайшим взглядом на вещи, с исключительной простотой и отзывчивостью. И Ваш голос не пройдет незамеченным, — я в этом уверен. И тогда все пойдет иначе.

Поэтому позвольте мне пока призадержать Ваши стихи; если Вы найдете, что их все же следует передать в журналы, — напишите, и я немедленно предприму нужные шаги. <...> Я не мог не порадоваться, читая Ваши стихи. Прежняя певучая сила, прежняя “снайперская” меткость эпитета. Какой Вы прекрасный поэт, Игорь Васильевич! И я больше чем уверен, что Вы еще направите “колесницу Феба зажечь стопламенный закат!” Вспомните Тютчева, который лучшие стихи написал под старость, — а Вам и до старости далеко: 53 года всего»¹³.

Игорь Северянин последовал совету. По крайней мере, в его письме к Г. Шенгели от 31 января 1941 г. содержится отчет о промежуточном результате работы (или ее намерениях) над такой манифестацией: «Письмо И. В. Сталину у меня уже написано давно, но я все его исправляю и дополняю существенным. Хочется, чтобы оно было очень хорошим»¹⁴.

Дальнейшая судьба письма Игоря Северянина к Сталину неизвестна, но поэтическая декларация, которая должна была бы стать наглядным подтверждением намерений, провозглашаемых в письме, была написана и выслана Г. Шенгели. Мы имеем в виду стихотворение Игоря Северянина, до сих пор полностью не введенное в научный и читательский оборот. Это стих. «Красная страна». Впервые оно упомянуто в письме к Шенгели от 23 мая 1941 г.: «А что “Красная страна”? Разве ее никто не берет? На мой взгляд, она неплохо сработана. Не послать ли ее мне Дунаевскому? Посоветуйте вообще, что ему послать»¹⁵.

Отметим еще одно направление советской экспансии Игоря Северянина: он претендует на славу поэта-песенника, причем в соавторстве с создателем «Песни о Родине» («Широка страна моя родная»). Так стихи Игоря Северянина 1940-х годов получают еще один интертекстуальный фон — творчество не предполагаемого,

¹³ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 3.

¹⁴ Цит. по: *Северянин И.* Указ. соч. С. 418.

¹⁵ Цит. по: *Северянин И.* Указ. соч. С. 428—429.

но уже состоявшегося соавтора Дунаевского — Лебедева-Кумача, на тот момент, помимо хитов, являвшегося автором слов гимна партии большевиков.

Текст Игоря Северянина, претендовавший на такой уровень советскости в качестве повсеместного массово-агитационного пения, — текст «Красной страны» впервые упомянут в заметке Н. А. Зубковой¹⁶, там же процитированы начальные три строфы из этого стихотворения.

Его творческая история относится к еще одному неосуществленному плану Игоря Северянина — участию во втором номере «Ленинградского альманаха». Альманах находился в производстве при «Издательстве писателей в Ленинграде», однако при первых бомбежках Ленинграда здание, где помещалось издательство, загорелось от взрыва фашистской бомбы и сгорело. По словам редактора альманаха Вс. Рождественского, «всё в нем было обращено в пепел»¹⁷.

Для участия в альманахе, замышлявшемся, по-видимому, как тематический, Игорь Северянин послал пять стихотворений из своей книги «Медальоны», изданной в Белграде в 1934 г.¹⁸: «Бизе», «Григ», «Чайковский», «Римский-Корсаков», «Верди». Новое стихотворение «Красная страна» прилагалось к этой посылке¹⁹.

¹⁶ Зубкова Н. А. И. В. Северянин: Неопубликованные материалы // Из истории рукописных и старопечатных собраний: (Исследования. Обзоры. Публикации): Сб. науч. тр. Л., 1979. С. 143.

¹⁷ Рождественский В. А. Игорь Северянин // Северянин И. Стихотворения. Л., 1975. С. 36. (Биб-ка поэта. Мал. серия).

¹⁸ Творческую историю книги см. в нашей ст.: Куранда Е. Л., Гаркави С. Л. Как был найден 111-й «медальон» Игоря Северянина // Сборник материалов Международной научной конференции «Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития. 25-27 ноября 2010 г.» (В печати).

¹⁹ «Изд<ательство> «Сов<етский> пис<атель>» обратилось ко мне с письмом, прося матер<иал> для № 2 «Ленингр<адского> Альм<анаха>». Я послал 4 сонета, из которых принято 3, “Чайковск<ого>” забраковали по понятным причинам: нытье. Кроме того, взяли с мал<енькими> выпусками “Красную стрелу” (не отдайте ее в какой-нибудь журнал!..). Цит. по: Северянин И. Стихотворения и поэмы: 1918—1941. М., 1990. С. 429—430. В книжной публикации допущена ошибка — правильно: «Красную страну». В этой связи см. копию письма Северянина к Г. Шенгели в архиве Эстонского литературного музея (F 344. М 167:14, л. 10/26).

Обратим внимание на очевидную публикаторскую стратегию Игоря Северянина, представление о которой можно составить по уже упоминавшемуся прецеденту с публикацией в «Огоньке»: он посылает в центральные издательства и в центральные периодические издания не только новые произведения, но и отбирает, по его словам, «лучшее из написанного за двадцать лет» и неизвестного советскому читателю.

В текстологической истории стихотворения «Красная страна», помимо его драматической затекстовой истории, представляется крайне интересным еще один аспект: дело в том, что в Отделе рукописей Российской нац. библиотеки это стихотворение хранится в архиве С. А. Семенова с редакторской правкой Рождественского. При этом первоначальный текст, написанный рукой В. Коренди и заверенный подписью Игоря Северянина, тоже без труда прочитывается, так как Вс. Рождественский перечеркнул его тонкой горизонтальной чертой (см.: *Приложение I*).

И сам текст, и его редакторская правка — редкий пример процесса работы над поэтическим текстом, направленной на углубление в нем риторического пафоса. А точнее, конечная цель редакции Вс. Рождественского состоит, по-видимому, в том, чтобы в тех местах, где риторика Игоря Северянина сбивается на вневременную, так сказать, общечеловеческую, подправить ее в духе более современного политического пафоса и заменить декларативные авторские — фирменно-северянинские — обороты поэтическими клише.

Вместе с тем, в «Красной стране» особенно очевидной становится поэтическая стратегия Игоря Северянина. Трудно сказать, насколько она осознанна и может быть определена как новая поэтическая манера. Дело в том, что ключевые моменты текста, в частности, такие сильные его позиции, как заглавие и начало, дают нам примеры переосмысления в поэтическом высказывании Игоря Северянина наиболее распространенных политических клише русской эмигрантской прессы — той языковой среды, в которой Игорь Северянин существовал два десятилетия.

Так, слово «красный» в эмигрантской прессе обладает негативными коннотациями: красный ЦИК, красный (=продажный)

синод, красное око ИНО ГПУ²⁰. Декларация Игоря Северянина состоит в том, что он возвращает слову «красный» архаическую этимологически позитивную семантику.

Еще более изощренной становится у Игоря Северянина употребление в поэтическом контексте его одической риторики наречия «здесь». Эмигрантское словоупотребление «здесь» знаменовало не только пространственное положение социолингвистического субъекта, но и было ценностно-мировоззренческим словом, основывавшим моральный и политический выбор личности: «здесь» (т. е. в эмиграции) означает: «где нет советской власти»²¹. «Здесь» в «Красной стране» Игоря Северянина — это именно там, где утвердилась советская власть. Отсюда плеонастический эпитет по отношению к «стране»: «здешняя».

Вс. Рождественский, с точки зрения поставленной перед ним задачи, по-видимому, прав, когда вычеркивает полностью пятую строфу. Она противоречит дейктической позиции поэта, с которой построено остальное высказывание, показывая его взгляд «со стороны» на страну, принадлежность к которой он декларирует, т. к. «честная, советская» — это данность для советского писателя, а никак не семиотически значимые эпитеты. Новыми они являются только для новичка в советском дискурсионном пространстве.

Очевидной редакторской неудачей Вс. Рождественского следует признать правку последней строфы, где в результате возник анаколупф: редактор не учел, так сказать, гендерную специфику «Красной страны», создав из нее риторически-бессмысленного монстра — страну-воина. По-видимому, Вс. Рождественский хотел избежать концентрации религиозной лексики в финале стихотворения: в предпоследней строке Игорь Северянин обыгрывает новую орфографию, при которой стало возможным евангельское слово «мироносица» наполнить новым политическим смыслом. Зачин последней строфы: «Веры удостоена», — в этом контексте, видимо, вызывал у Вс. Рождественского опасение быть прочитанным будущими читателями альманаха как идеологически чуждое. Пожертвовав грамматикой, он заменил первую строку последней строфы на «Стойким сердцем война». Слабым оправданием в раз-

²⁰ Примеры почерпнуты из кн.: Зеленин А. В. Язык русской эмигрантской прессы. СПб., 2007. С. 42, 109, 123.

²¹ Там же. С. 114.

рушении не только лирической цельности, но и смысла северянинского стихотворения для Вс. Рождественского может служить тот факт, что в своей правке он (намеренно или случайно?) использовал рифму, которая встречается в стихотворении Игоря Северянина 1936 г.:

«Уж ладно ли, худо ль построена,
Однако построена всё ж...
Сильна ты без нашего *воина*,
Не наши ты песни поешь!»
(«Без нас», 27 февраля 1936 г., Таллин)

Три стихотворения, опубликованные в 1941 г. в московских журналах, и пять стихотворений, принятых к публикации в Ленинграде, не исчерпывают корпус текстов Игоря Северянина, предназначенных им и Г. Шенгели в качестве заявки на место в советской литературе. За год общения с Г. Шенгели Игорь Северянин, по его собственным подсчетам, послал ему 62 стихотворения.

Как уже было сказано, это были не только вновь написанные стихи — большую часть составляли произведения, написанные Игорем Северяниным за двадцать лет. Сложившаяся ситуация провоцировала не только ретроспективную рефлексию собственного творчества, но процедуру его автоцензурирования для новых условий.

Так исчезает из рукописной книги «Очаровательные разочарования» сонет-«медальон» с монархической тематикой и обценным словом²².

По-видимому, тогда же и с той же целью из стихотворения «Лучезарочка» (1922) Игорь Северянин вымарал строфу, содержащую злую иронию по отношению к большевистской власти и Ленину (в *Приложении II* мы впервые после газетной публикации приводим полностью текст этого стихотворения).

Часто говорят, что пишущий на советские темы Игорь Северянин — это «другой Северянин», а его стихи осени 1940—1941 гг. «крайне слабые»²³. Мы не разделяем этого мнения. То воодушевление, то «живое дело», то творческое общение, которые он обрел

²²См.: Куранда Е. Л., Гаркави С. Л. Как был найден 111-й «медальон» Игоря Северянина.

в последний год своей жизни, не дают к этому оснований. Стихотворения, написанные в «советский период», — это «тот самый Северянин», что и в ранних своих стихах: по поэтической технике, по способу восприятия действительности.

В письме Г. Шенгели от 22 янв. 1941 г. он написал: «Я хотел бы следующего: 5-6 месяцев в году жить у себя на Устьи <в Усть-Нарве>, заготавливая стихи и статьи для советской прессы, дыша дивным воздухом и в свободное от работы время пользуясь лодкой, без которой чувствую себя как рыба без воды, а остальные полгода жить в Москве, общаться с передовыми людьми, выступать с чтением своих произведений и совершать, если надо, поездки по Союзу».

Свои ранние стихотворения он объединил когда-то в книгу «Настройка лиры». Используя его метафору, 1940—1941 гг. можно назвать периодом, когда «происходит настройка лиры» на «Красную страну».

Специфика текстологической ситуации с произведениями Игоря Северянина последнего года его жизни заключается в том, что мы с большей или меньшей степенью достоверности можем назвать произведения, написанные им в этот период, но, кажется, некоторые из них утрачены навсегда. К такому неутешительному выводу мы пришли, в том числе вследствие недавнего (сер. сентября 2010 г.) обнаружения пропажи рукописей Игоря Северянина в архиве Литературного музея им. Ф. Крейцвальда в Тарту. Запрошенная нами папка со стихотворениями Игоря Северянина 1905—1940 гг. из 43 листов, указанных в каталоге (F 216, M 2:12), содержала только 8 листов. 35 листов автографов Игоря Северянина пропали после того, как кто-то (подпись неразборчива) запросил рукописи в 2004 г.

Быть может, не вполне пристало заканчивать академическую статью сообщением фактов, находящихся за границами филологии. Но мы считаем необходимым донести до филологического сообщества и наших читателей этот вопиющий факт.

²³ Исаков С. Г. Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллин, 2005. С. 395. Ср.: «Игорь Северянин, который вообще очень болезненно воспринимал отрыв от родины, испытывал ностальгию по родным местам, остро ощущал трагизм, оторванность от “корней” (см. его стихотворение “Без нас”）」 (Там же).

КРАСНАЯ СТРАНА

Стройной стройкой строена
Красная страна,
Глубоко освоена
Разумом она.

Ясная, понятная,
Жаркая, как кровь,
Душам нашим вятная
Первая любовь.

Ты, непокоримая,
Крепкая, как сталь,
Родина любимая —
Глубь и ширь, и даль.

Радость наша вешняя,
Гордость наша ты,
Ты — земная, здешняя,
Проще простоты.

~~Мира гниль поддежная~~
~~Вся тебе видна,~~
~~Честная советская,~~
~~Умная страна.~~

~~Враг глухими тропами~~
~~Только он не слоняет~~
~~Не пройдет сюда~~
~~Край наш никогда:~~
Светит над Европою
Красная звезда.

~~И в пунцовых лучиках~~
~~Худшее спит,~~
~~Остальное ж, лучшее,~~
~~К нам само придет.~~

~~Над землей возносится~~
~~К нам само попросится,~~
Твой победный
~~Ибо знает свет,~~
Ты ведь мироносица,
Лучше ж мира нет.

Стойким сердцем воина
Веры удостоена
Ты среди всех одна.
Стройной стройкой строена
Ты, моя страна!

Источник: ОР РНБ. Ф. 685. Ед. хр. 730. Л. 7.

Примечание:

Редакторская правка Вс. Рождественского отмечена следующим образом:

вычеркнутые строки выделены *зачеркиванием*, надписанные — *курсивом*.

Приложение II

6 марта 1922 г. в газ. «Время» (Берлин) Игорь Северянин опубликовал стихотворение «Лучезарочка», впоследствии вошедшее в рукописный сб. «Литавры солнца. Стихи 1922—1934 гг.». Строфа 6 в рукописном сборнике построчно зачеркнута, восстановлена по первой публикации. Остальные строфы сверены по рукописи.

ЛУЧЕЗАРОЧКА

1.

Сирень расцветала белая,
Фиолевая сирень.
И я, ниче́го не дела́я,
Пел песни весь Божий день.
Тогда только пол-двадцатого
Исполнилось мне едва,—
И странно ли, что листва
Казалась душе объятою
Дыханием Божества?

2.

На дачи стремились дачники, —
Поскрипывали возы.
И дети, закрыв задачки,
Хранившие след слезы,
Ловили сачками бабочек
И в озере козерог,
И вечером у дорог
Подпрыгивала бодро жаба,
Чеканящая свой скок...

3.

Мы жили у водной мельницы
И старенького дворца.
Салопницы и постельницы
Там сплетничали у крыльца.
Противные вы, сплетницы, —
Единственное пятно
На том, что забыть грешно.
Пусть вам, забияки-сплетницы,
Забвение суждено.

4.

Была небольшая яхточка
Построена мужичком,
Не яхточка, а барахточка,
Любившая плыть вверх дном...
Была она лишь двухместная,
И, если в ней плыть вдвоем,
Остойчива под веслом;
Но третьего, — неуместного, —
Выкидывала ничком...

5.

Моя дорогая Женичка
Приехала вечерком
И, наскоро три вареничка
Покушав, полубегом
Отправилась прямо на речку,
И я поспешил за ней,
В бесшумье ночных теней
Любимую Лучезарочку
Катая, прижать тесней.

6.

**О, ночи, что просиренены
И так просоловьены!
В то время декреты Ленина
Не вспугивали весны...
Тогда государство «рабское»
Давало свободу нам,
«Крамольным» своим сынам.
Бесстрашно царица Савская
Бродила по нашим снам...**

7.

Всю ночь мы катались весело,
Друг к другу сердца крыля.
Подруга моя повесила
Шаль мокрую у руля.
Ты помнишь? ты не забыла ли
Того, что забыть нельзя,
И что пронеслось, скользя?
Да, полно, все это было ли?
Расплылась воды стезя...

8

Любимая! самая первая!
Дыханье сосновых смол!
Была не всегда жизнь стервою —
Твердит мне твое письмо,
Летящее в дни июльские,
Пятнадцать веков спустя
(Не лет, а веков, дитя!)
Чтоб дни свои эсто-мулльские
Я прожил, о сне грустя...

9.

Пустяк, ничего не значащий,
Значенья полн иногда, —
И вот я, бесслёзно плачущий,
Былые воздвиг года.
Лета вы мои весенние, —
На яхточке пикники,
Шуршащие тростники, —
Примите благословение
Дрожащей моей руки.

10.

Рука, слегка оробелая...
Былого святая сень...
Сирень расцветала белая,
Фиолевая сирень!
Как трогательны три вареничка
И яхточка, и вуаль,
И мокрая эта шаль,
И ты, дорогая Женичка,
Чье сердце — моя скрижаль!

1922 г.

Источники:

Время. Берлин, 1922. 6 марта. № 192. С. 3.;
РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 97-98.